

Может быть кому-то покажется странным, что стихи пришли ко мне, когда я находилась в возрасте осени. Но я считаю – всему свое время. И согласна с поэтом Михаилом Розенштейном:

*«И если от жизни кружится еще голова,
и осыпть осенней листвы отзывается светом,
об этом загадочном счастье, и боли - об этом
всего-то и надо, что просто придумать слова».*

Бабушке моей

Умер муж, за ним ушла и дочка,
Но всегда была тепла душа.
Помню, как бессонной зимней ночью
Внучкам платья шила не спеша,
Как меня жалела часто в детстве,
Как сидели мы — щека к щеке,
Как про маму песню пела – сердцем,
И про ледоходы на реке.
Я сказать ей не успела много,
И, подчас, совсем не берегла:
Вдаль манили новые дороги,
Люди и чужие берега.
В тяжкие минуты я нередко
Вспоминаю мудрые слова:
— Не грусти, что плохо было, детка.
Будет и хорошая глава.

Старая сказка

Изумруд и опал минаретов,
Купола золотые церквей.
Если долго бываю я где-то
Сердце трепетно тянется к ней.
Скоро вечер опустит ресницы,
Где-то тихо бормочет вокзал.
Пусть кому-нибудь ночью приснится
Эта старая сказка – Казань.

Мелодии женской души

На воздушных струйках и качелях
Утром птицы в свой зовут полет.
А её душа, услышав трели,
Рвется в небо и поёт фокстрот.
Да, конечно, ей давно не тридцать,
Но зато походка так легка.
В ритме танго вьется и струится
Тонкий шарфик цвета василька.

Ночь спустилась темно-синим пледом,
Тихо тронув память, как струну,
И душа запела сразу следом,
Тему песни выведя свою.
В край далекий улетела дочка.
Вновь сочатся капельки тоски
В губку тишины, рожденной ночью.
В менюэт слагаются стихи.
Буквы строк теснятся на странице,
Сон уже коснулся карих глаз...
Женщине сейчас, наверно, снится
Старый и почти забытый вальс.

Помню

Нам в ночи улыбалась луна, заглянувшая в окна,
Яркий город смеялся, сверкая большими глазами.
Жаркий август медово-янтарный, стремительно-легкий,
Так давно затерялся, уснув в переулках Казани.

А сентябрь мне навстречу плывет дождевой пелеринкой.
Я пишу тебе письма на листьях, оборванных ветром,
И кладу в жестяную коробку, что пахнет ландринкой.
Ты любил леденцы. Я по-прежнему помню об этом.

«Летя из мрака безначалья, из дебрей инобытия, я покрываю расстоянья, постичь которые нельзя. Я одинок. И в этом рейсе, лавируя меж черных дыр, я сам себе и звездный крейсер, и командор, и пассажир...», — это строчки из последнего опубликованного стихотворения С.Бородина.

Анестезия

Когда от болевого шока
Тебя согнет напополам,
Когда тебе настолько плохо,
Что жизнь и вправду не мила,
Когда в аду бессонной ночи
Мир превратится в карусель
И ты, среди слепящих точек,
Летишь сквозь радужный тоннель,
Когда, от боли холодея,
Уже грехи пересчитал —
В одеждах белоснежных фея
Придет — и вколет барбитал.

Но если мир, который дорог,
Перевернулся за спиной,
И даже анестезиолог
Не в силах дать тебе покой,
И на мельчайшие кусочки
Ты взорван мукой изнутри,
Разъят на болевые точки
Самим собой на раз-два-три,
Тогда, возможно, только нежность
Поможет боль остановить...
Пятнадцать кубиков надежды —
На каплю веры и любви...

Крестоносец

Я устал от походов, мощей и от чаш,
Я – бродяга, заброда,
Не свой и не ваш.
Я устал от молитв и победных рогов,
От бессмысленных поисков
Ложных богов.
Я устал, и, наверное, все неспроста –
Прижимает к земле
Долг и тяжесть креста,
Что ношу на плаще. И досада берет –
Вечный Жид Агасфер,
Вечный странник Мельмот...
Мне не нужен дающий бессмертье Грааль –
У меня на глазах
В предрассветную даль
Уплывает корабль от Священной земли
К милой Франции...
Я не люблю корабли.
Я люблю свою Родину. Дом и детей,
Я устал убивать
Незнакомых людей.
Паладин короля и десница Христа –
Только верность ослабла,
А вера – пуста...
Каждый день по утрам повторяется сон –
Я кричу в небеса
«Кирие Элейсон!»
Я – устал!
И хочу возвратиться в Прованс.
Там сестра и отец.
Там малышка Констанс
Все еще вспоминает...не знаю, кого.
Только прошлое –
Непоправимо мертво...
Я – француз, англичанин, араб и еврей,
Немец, русский, а в сущности –
Просто ничей...

Как обидно... Еще через тысячу лет
Дурачок – трубадур
Зарифмует терцет
И уйдет умирать за святые места,
Воспевая войну...
К вящей славе Христа.

Останови

Освободи.
Освободись.
Порви на мелкие клочки –
Так перечеркивают жизнь
От скуки, злости
И тоски.
Так режут вены
Сгоряча,
Так делают последний шаг.
Так ищут лезвие меча,
Выбрасывая
Белый флаг.
Как будто
С чистого листа
Мир станет ярче и добрей...
Не будет света. Пустота
Не знает звезд
И фонарей.
Не знает
Боли и стыда,
Не знает дружбы и любви.
Она ведь просто – пустота...
Остановись.
Останови...

Встреча на Аничковом мосту

*Стихотворение посвящено
картине Н.Крамского «Неизвестная»*

Что в глубине твоих библейских глаз,
Чем бредят твои чувственные губы,
Кто их целует – проходимец грубый,
Блистательный и знатный ловелас?
О чем молчишь, пленявшая сердца,
Блестящая богиня полусвета,
Одиллия, а может быть – Одетта,
Проездом из Аничкова дворца?

Молоденькая княжеская дочь,
Одетая от модного журнала,
Спешит домой наутро после бала,
Рассматривая город из ландо?
А может даже – ну и что с того –
(О Господи, боюсь глазам поверить) –
Обвенчанная тайно в Бельведере,
Прелестная подруга Самого?

В чем разница? Пусть эта, или та –
Плывет по зимней северной столице,
Немыслима, прекрасна, многолица –
Разлитая над миром Красота.
Пусть нет роскошной шляпки в волосах,
Изящной шубки модного покроя,
Перчаток шведских, мелочи, пустое,
Художник это дорисует сам...

Уверенна, спокойна и легка –
Гляжу вослед и в сердце, грустью сладкой –
Enigma. Тайна. Вечная загадка...
Которую разгадывать – века!

Век Александра. Пушкин

Друзья. Балы. Пирушки. Пунш горящий.
Азарт игры ломберного стола.
А за окном сверкает век блестящий –
Париж в когтях двуглавого орла.

Парни. Балет. Клико. Кларет гишпанский.
Любить, гореть и чувствовать спеша,
Глядит на нас сквозь облик африканский
Загадочная русская душа.

«Мне скушно, бес!» А в личной жизни – драма,
Ниспосланный судьбой данайский дар...
И болью в сердце – Пиковая Дама
С копной волос а-ля директоруар.

Долги. Наветы. Третье отделение.
Помпезный блеск придворной суеты...
А сердце – помнит Чудное Мгновенье
И нежный облик Чистой Красоты.

И, полно, все равно, что будет завтра –
Жить за двоих, любить, писать стихи!
Твой век запомнят «Веком Александра».
Поняв. Простив. И отпустив грехи.

Явление сна за секунду до пробуждения в стиле Сальвадора Дали

Гибкий зверь на мягких лапах
Незаметно, тихой сапой,
Источая пряный запах тенью стелется в тиши.
Молча, медленно, но верно
Он скользит по темным стенам,
Холодеет кровью в венах, показаться не спешит.
Раздвигает сумрак ночи
Странно-страшный, но не очень –
Как понять, чего он хочет и чего пугаться мне?
Ослепительно прекрасным,
Угрожающе опасным,
Непонятым или ясным, он появится во сне?
Кем он станет – пятой спицей,
Тварью хищной, вещей птицей,
Черным всадником-убийцей, необъявленной войной?
Летним зноем, зимней вьюгой,
Чуть надрезанной подпругой,
Ликом зла под маской друга, непрощенною виной?
Он косит блестящим глазом,
Словно вшитым в ночь алмазом,
Обволакивает разум, не таясь и не спеша.
Постепенно, шаг за шагом,
Разбивает сердце страхом,
Тают силы и отвага, истончается душа...
Он заманивает тайной
И вползает в подсознание
Инфернальностью желаний, смесью истины и лжи.
Размножаясь, словно вирус,
Он растет – и вот он вырос,
Завладеть пытаясь миром обездвиженной души.

Фейерверком бесконечным
Мир взрывается навстречу,
От него укрыться нечем в предрассветном неглиже...
Невозможно разобраться
В пестроте галлюцинаций.
Ох, как сложно просыпаться в грязно-вязком мираже!

Злой рассвет белесым оком
Топит ночь в колодцах окон,
Хмуро скручивая в кокон нити черной пустоты...
И, скользя по тонкой грани,
Зависает над домами,
Отделяя сон от яви и реальность от мечты...

Девочка с персиками

Осень в Абрамцево золотом лиственным
В окна глядится сквозь тюль-занавесочки.
Смотрится неповторимо изысканно
Бархатным солнышком
Персик в тарелочке.
Светлая комната, скатерть цветочками –
Милая, бойся фруктового ножика!
Самая младшая папина доченька
Смотрит, краснея,
На дядю – художника.
В розовой кофточке с бантом кокетливым,
Солнце играет на бархатной коже.
Смотрит по-детски – тепло и приветливо.
Здравствуйте, Верочка!
Будем знакомиться?
Вырастешь, деточка, – станешь красавицей,
Ласковой, нежной супругой и матерью.
Станешь сударыней Верою Саввишной,
Ну, а пока –
Буду Верочкой звать тебя.

Буду в Москве – отстою за билетами.
Рядом – Ордынка. Большая, но узкая.
Девочка смотрит двенадцатилетняя
Прямо в глаза.
В переулке Лаврушинском.

Зависть Богов

На коленях Египет и пал Вавилон,
Истекает войне посвященная жизнь.
Ни Геракл, ни Ахилл и ни Феб-Аполлон –
Полубог-самозванец... Дерись и держись.

В пепелищах руины роскошных столиц,
Перепуганный насмерть, трепещет Восток.
Покоренная Азия стелется ниц,
А клепсидра пуста – иссякает поток.

Разбавляет серебрянный Диев ихор
Полужидкая кровь недобитых царей.
Кто способен пройти до конца на восход,
Если сам не увидишь восточных морей?

Властелину нельзя быть ни добрым, ни злым.
Тридцать третий! Неужто вся жизнь пронеслась?
Тот, кто с юных ногтей разрубает узлы,
Твердо знает, Судьба – это слава и власть.

Только Боги не любят удач и побед,
Как же мало друзей и как много врагов!
Не помогут ни щит, ни эскорт, ни доспех:
Есть такое оружие – Зависть Богов.

Наши судьбы – ничто в олимпийской игре,
Мы – игрушки в забавах жестоких и злых.
Мой удел – доживать в тишине алтарей,
Твой – бесследно исчезнуть из мира живых.

Да, мы смертны. Простим же друг друга скорей.
Одиноким неведомо чувство потерь.
Только... в жизни гетер не бывает царей,
А у тронов царей не бывает гетер.

Париж - 1911. Двое

Париж. Великолепная столица мира. В его стремительный людской водоворот кого только не заносило! Итак — Париж. Одиннадцатый год.

Кафе вдоль узких набережных Сены,
Бульвары, площади и Люксембургский сад.
Они читали наизусть стихи Верлена
Наперебой, взхлеб и невпопад.

Прохладой вечер душу растревожил.
От нетерпения волнуясь и спеша,
Он положил ее на собственное ложе
И очинил конец карандаша...

Душа весталки с грацией модели,
Осанка статуи с улыбкой инженеру.
А со стены глазами жён смотрели
Ревнивые рассерженные "ню".

Весь антураж — свеча и оттоманка.
Штрихи и линии ложились,
Чуть дрожа ночной богиней, строгой египтянкой...
Он это мог — НАРЯДНО обнажать!

В тот дивный и неповторимый вечер
Она была неотразимо хороша,
Когда спускаясь, открывала плечи
Её ложноклассическая шаль.

Любовь нельзя откладывать на завтра –
К чему творцу расположение светил?
Он сам был Богом – Сын и Дух Монмартра.
И ничего у неба не просил.

Так, в ритме романтического танца,
В ночных объятиях июльской тишины,
Связала жизнь лохматого тосканца
И женщину из северной страны...

Их нет. Они ушли давным-давно, оставив миру пожелтевший
лист бумаги, где дремлет беломраморная ночь, застыв на старом
флорентийском саркофаге.

К портрету Дориана Грэя

По Пикадилли стелется туман.
В тумане тени, словно волки – серы.
В дождливом мареве причудливы дома.
Здесь места нет для верности и веры.

Не должен никому и ничего!
Бей первым, если ты сегодня в Праве.
Здесь люди – волки. Даже своего
Они всегда по-дружески подставят.

Все продано, всему – своя цена:
За шиллинг – час, и совершен – за вечер...
Мораль – химера. Совесть не нужна.
И нет проблем – так просто выжить легче.

Высок, русоволос, пригож с лица,
С улыбкою приклеенной, всегдашней.
И мир, где разбиваются сердца
Стал для него привычным и домашним.

Неторопливый виски при свечах...
Набита трубка зельем ароматным.
Но пьеса из-под пальцев скрипача
Напомнит вдруг о чем-то неприятном.

Ведь дома, под портьерой у окна –
Полумертвец из года в год стареет...
И дата – очень старая – видна
В углу портрета Дориана Грэя.

Перечитывая Бродского. Страхи

*«...их можно увидеть в окне, но лучше – издалека»
И. Бродский. «Новая Англия» (1993)*

Подспудные древние страхи, рождённые в дебрях души –
Они вызревают во мраке, они подступают в тиши.
Они поджидают у двери с табличкой:

«Внимание – жизнь!»

Они убеждают поверить в условности и миражи.
Они увлекают в дорогу, которой не будет конца,
Они по частям, понемногу, таясь, выедают сердца.
Они до поры безопасны, на этом пути в Никуда,
Они не приносят несчастий, а счастье ты взял и отдал...
Они надевают личины, которым аналогов нет,
Становятся первопричиной сомнений, ошибок и бед.
Они заставляют бояться, не кланяясь жизни идти –
Иллюзиями декораций, готичностью интроспектив.
И даже прихожую смерти, где нету ни правды, ни лжи,
Они запирают омертой той жизни, которой... не жил.

Оплачена страшной ценой
Дорога к чужим берегам.
...Их можно увидеть в окно.
Но лучше бы – издалека...

Перечитывая Пастернака

Февраль. Достать чернил и плакать.

Писать о феврале навзрыд.

Вот так —

Бездомная собака

Всю ночь на холоде лежит.

Псу холодно,

Но ночью грачьею

Его никто не пустит в дом

И ручейки из глаз собачьих

На лютой стуже станут льдом.

А утром,

Сыты и вальяжны,

Согревшись в тишине квартир,

Споткнетесь.

И не будет страшно

Перешагнуть и обойти.

На тротуаре возле дома

Он будет молча замерзать,

Когда ему,

Еще живому,

Вороны исключют глаза...

Кому он нужен —

Беспризорный?

За хвост —

И в мусорный бачок.

А жизнь вокруг

Кипит позорным

Урбанистическим ключом.

Февраль. Достать чернил и плакать?

Страдать.... — на кончике пера?

Зачем

Какая-то собака....

Как это больно —

умирать.

Серебрянный Век. Зинаида Гиппиус

Декадентская Мадонна

В глазах – извечно женская игра –
Царить и побеждать в большом и малом.
Из-за неё стрелялись юнкера
И плакали седые генералы.
Она была похожа на звезду
Сияньем искрометного таланта.
Богиня грез. Императрица дум.
Царица душ – возможны варианты.
Как оставаться разной, но своей
В гостинных, залах и библиотеках,
За чашкой кофия в кругу друзей –
Мадонною Серебрянного века?

Серебрянный Век. Константин Фофанов

Под музыку осеннего дождя...

Поэт среди миров... А что-то в этом
Трагически-мистическое есть.
Еще вчера душа дышала летом,
А нынче – осень. Морось... Не Бог весть...
Там – мотылек над ландышем кружится,
Ковром ложится под кустом роса...
А здесь – Поэту хочется напиться.
Он болен. Хмур. Не верит в чудеса.
Как совместить палитру красок лета
С осенней беспросветностью хандры?
Наверно, просто нужно быть Поэтом,
Умеющим переживать миры.
Меж двух миров не каждый сможет выжить.
Не жалуясь, и даже не сердясь,
Идет Поэт. Он просто хочет... выпить
Под музыку осеннего дождя.

Серебрянный Век. Мирра Лохвицкая

Мирра Лохвицкая (Мария Александровна Жибер) — одна из самых известных поэтесс Серебрянного Века. Родная сестра Надежды Тэффи. Умерла рано, похоронена в Питере. Могила полуразрушена — никто не ухаживает. Так проходит земная слава...

Розой бледной, розой чайной...

Аромат увядшей розы,
Тень от гаснувшей свечи.
По щекам дорожки — слёзы,
Неприметные в ночи.
Если в сердце стало пусто,
Ни к чему искать ответ —
Умирующие чувства
Забирают жизнь вослед.
Тяжело смотреть из смерти,
Из пределов пустоты
На увядшие в букете
Бледно-желтые цветы...
Разоренные кумирни,
Лепестки счастливых лет...
Мир остался. Только Мирры
В этом мире больше нет.
Черно-белый и печальный,
Мир, лишенный красоты...
Положу букетик чайных
Бледных роз
На край плиты.

Сказка Королей. Чюрленис

Посмотри, что у меня в руках –
Маленькое чудо – новый Мир!
Я его принес издалека.
Где твои ладошки? На, возьми.
Он рожден в горниле дальних звезд,
Он был мал, беспомощен и слеп.
Я его тебе в подарок нес –
Самой дорогой из Королев.
Ты взгляни, он светится в ночи –
Ласковый, животворящий свет.
Этим светом мы подарим жизнь
Самой лучшей из твоих планет.
Светом мы растопим шапки льда,
Воздух, землю, воду оживим,
А на небосклон взойдет звезда,
Названная именем твоим.
Завари на кухне крепкий чай.
Я – Король, и кое-что могу!
Сохраню и буду защищать.
Только от тебя – не сберегу...
Ты с ним свысока не говори,
Я боюсь, что просто не поймет.
Он от невнимания – сгорит,
От непонимания – умрет.
В заполошной суматохе дней
Может потеряться по пути,
А найти потом всегда трудней,
Можно ведь и вовсе не найти...
Ты хотя бы поняла – О ЧЁМ?
Или ждёшь ещё каких-то слов?
Дай мне руку – вот мое плечо.

Кто сказал, что Мир – не есть Любовь!

Ночь поэта

Юный месяц завис на распутье безбрежного неба,
Покачнулась звезда в колыбели вселенской тоски...
Ночь читает в тиши горькой жизни полночный молебен
И туманом кадит у застывшей, зеркальной реки.

Небо вперило взгляд звездных глаз из небесного мрака,
Замолчали ветра, отыскавшие на ночь приют...
Почему же душе в этот час сильно хочется плакать?
Потому, что в дневной суете на неё все плюют!

Одиночества тень замерла от свечения лампы,
Притулилась в углу, как нашкодивший днём мальчуган...
Жмурясь, кротко сидит, – а другого ей в жизни не надо!
И с тоскою глядит в опустевший гранёный стакан.

Льётся призрачный свет, льются строки на клетки бумаги...
Замирает порой, всхлипнув строчкой, смиренно душа.
Хмель тоску гонит прочь, травит ядом настоящей браги...
На старинных часах стрелки в вечность пробраться спешат.

Накропаю стихи, расплескав в строчках мысли и чувства,
Одиночества тень попрошу погулять во дворе...
И гонимый тоской, что прокралась в обитель безумства,
Я отправлюсь к тебе – постучаться в окно на заре!

Костры инквизиции

В руках палача, но во власти надежды,
И с трепетом в сердце, любовь затая,
Ты верила свято – прозреют невежды,
Спасёт от расправы фортуна твоя!

По воле Судьбы – своенравной царицы,
По сговору подлому, зависти злой
На ратушной площади вновь разгорится
Костер инквизиции Церкви Святой!

Ликует толпа в предвкушении казни –
Безумствуют люди, расправу суля...
Для них это – лишь развлечение и праздник,
Подарок епископа и короля!

«Проклятая ведьма, исчадие ада,
Очистись от зла на позорном столбе!
Беснуйся, несчастная, в пламени смрадном
И пеплом развейся на радость толпе!»

Нешадно ветра треплют белое платье –
Слащавую похотью взоры горят...
И сыпется брань и несутся проклятья –
Сердца кровожадные зрелищ хотят!

За дерзкий твой взгляд, за красивые очи!
За порчу, за мор, разносимый чумой!
За стройное тело, что в сумраке ночи
Бестыже-нагое танцует с Луной!

За то, что лечила больных и рожениц,
Давала отвары, настои из трав.
И прятала беглых: невольников, пленниц...
Молилась Богам средь зеленых дубрав.

И вот приговор прозвучал громогласно –
Доказана ведьмы проклятой вина!
Девчушка худая в передничке красном
Метнулась к кострищу, отваги полна!

Промедлил палач – тишина вдруг настала...
Лишь вороны вились над стихшей толпой...
А девочка в фартучке красном кричала:
«Возьми меня, мамочка, в Небо с собой!»

Скрипка

«Мастер, скажи мне, ну что в этой скрипке?
Разве... узор по древесному телу?» –
Старый скрипач с затаённой улыбкой
Взял инструмент к подбородку и смело

Взвился смычок... и завис отрешенно,
Нервной струны он коснулся с истомой...
Мир встрепенулся – и звук, приглушенный,
Начал своё восхождение к престолу!

Пальцы впились, выгибая запястья –
Звук изливался потоками лавы...
Струи вибраций безудержной страсти
Вихрями чувств наполняли октавы.

Сердце взорвалось и брызнули чувства,
Слёзы текли по щекам музыканта...
Мальчик, захваченный властью искусства,
Впитывал дух неземного таланта...

Падали стены и рушились грани
Мира, познавшего музыки силу –
Мальчик застыл, позабыв о дыхании,
Скрипка обряд колдовской свой вершила!

Сердце его охватило блаженство...
Старый скрипач правил царством мелодий –
Скрипка рыдала, – само совершенство
Силой небесной, казалось, нисходит!

Мир вдруг очнулся, смычок словно замер...
Стены восстали, прорезались грани...
Вновь обрело время власть над часами,
Свет брызнул в очи, свечением раня.

«Мастер, скажи! – молвил мальчик несмело, –
Мог бы и я овладеть этой скрипкой,
Чтобы струна так волшебной запела?...»
Мастер молчал, пряча тайну в улыбке.

Ты меня разбуди на рассвете

Ты меня разбуди на рассвете,
Когда вспыхнет багрянцем заря...
Слышишь, шепчет нам ласковый ветер,
Что мы встретились в жизни не зря.

Запылают стволы, как поленья,
В алом отблеске юной зари...
Ты прижмешься ко мне в нетерпенье –
И мы в страсти безумной сгорим.

Вспыхнут в блеске пурпурной зарницы
Златоносные кудри твои...
И наполнится наша светлица
Золотым отраженьем любви.

Утро с ночью, присев на пороге,
Остановят ход времени вдруг.
И Луна по небесной дороге
Совершит дополнительный круг.

Задрожит на ресницах мгновенье,
В омут глаз, я счастливый, нырну...
И крылатой любви дуновенье
Сладкой боли накатит волну.

Ночь потопчется чуть на пороге,
Утро тихо посветит в окно...
А в заоблачном Божьем чертоге
Воплотится, что нам суждено.

И сплетутся судеб наших нити –
И, рожденная третья душа,
Долгожданным, желанным событием
Снизойдет к нам с небес не спеша.

Фламенко

Вверх грациозно взметнулись запястья,
Стук кастаньет вдруг разрезал затишье...
В диком порыве безудержной страсти
Сердце безумное пламенем дышит.

Словно костер, шелк пурпуровый вспыхнул
И заскользил, разгораясь по коже...
Дробью чечётка ударила лихо –
Тело наполнилось сладостной дрожью!

Жаром манили упругие груди,
Тайною силой безумства чаруя...
Танец «Фламенко» придумали люди,
Но вдохновлял искуситель, колдуя!

Стук кастаньет – и рассыпалось сердце
Звоном хрустальным разбитого кубка.
Жаждала плоть жаром танца согреться –
Ритму внимая восторженно-чутко.

Вырвалась страсть из сердечного sklepa –
Словно стихия, вспенённой волною...
Боги, помилуйте! Грешен я, Небо!
В бездну готов я ступить за тобою!

Пурпур шелков застилал алым очи...
Воля зачахла, замолк нудный разум...
Жертвой Фламенко я пал этой ночью –
Испепелённый безумным экстазом!

Закончила педагогический университет (МГОПУ им. Шолохова). Сколько помню себя, всегда работала с детьми разных возрастов от дошкольников до почти взрослых, самостоятельных. Сейчас работаю в ГОУ СОШ 741 г.Москвы учителем ИЗО (образовательная область «Искусство»). Нравится писать стихи о себе, об окружающем мире. По настроению занимаюсь прикладным творчеством. Увлекает всё новое, неизвестное, часами могу разбираться в том, чего не понимаю или не знаю. Очень радуюсь, если есть положительный результат.

Глухая

В молчании скромном, она, в аллее, под сенью берез –
Сидела на лавке одна, исчезнув в пространство из грез.
Ни шума дневной суеты, ни скрипа, ни звуков иных
Не слышала, и красоты хватало ей в мире глухих.

На миг прикоснувшись к листу потрепанной книги своей,
Она заложила мечту закладкой, чтоб стать посмелей.
Чтоб здесь, а не в мире из грёз задумки свои совершить.
Ей ангел на крыльях принёс беззвучие – радость души...

Незванная гостья

Цвет небес и воды уводил в Синегорье,
Предлагая уйти от забот бытия,
И уплыть по бескрайним просторам... О, море!
Здесь сирены и волны. Здесь чайки и я!

Синекрылая птица далекого детства
Залетела сегодня случайно ко мне.
То ли ты заблудилась? А может, погреться
Захотелось по осени? Видишь в окне
Отраженье свое... словно фея прибора
Став реальностью вдруг, все же светом своим
Ни смутила меня, ни лишила покоя.
Баламутка, к чему твой дикий грим?
Синих птиц на земле расплодилось немало.
Что теперь мне твоя, как печаль, красота?
Утерjala придуманное опахало.
Если хочешь, так просто поглажу тебя?
Возвращайся туда, где тебе было мило!...
Ветер, дождь.... и блеснули осколки окна
На ковер пали перья... Она умирала...
Птица синяя вместе со мной и... одна....

От насущного к вечному

Облаками плывут вездесущие мысли.
Отлучилась душа к нескончаемой выси.
Нашептала Любовь монолог-откровение,
Увела за порог: в мир мечты и забвения.

Торопись посмотреть, на яву не увидишь.
Всполох ранних обид – преждевременный финиш.
(Просто стоит забыть пустячок-расставание,
Закрывая его деревянными ставнями...)

Торопись удержать лучик света украдкой,
А желанье скажи по-простому и кратко.
И, возможно, похвалит Любовь красноречие,
Уводя за собой от насущного к вечному.

Песня глухого

Вы слышали, как может петь глухой?
Поверьте, удивительно прекрасно!
Движенья тела, рук и глаз с лихвой
Рождают образ песни очень ясно.

Протяжных и открытых звуков лад
Зовет к себе гармония движений.
И знаком строится нежнейший ряд
Мелодии неслышного скольженья.

Я слышу песню кормчего ладьи.
Он обнимает музыку руками.
И сердце вынув из своей груди,
Возводит мост миров и чувств меж нами.

Да! Невозможно отвести глаза!
Не допущу я пропусков «словесных».
Глухой ТАК песню спел, что показал
Неслышных звуков мир, мне неизвестных.

Закончила МГУ им. Ломоносова. Стихи печатались в коллективных сборниках «Поэзия», «Антология одного стихотворения», «Российский колокол», «Никитские ворота», «Поют любовь нам ангелы-поэты», в альманахе «Истоки», в газете «Российская губерния» и др.. В 2007 г. вышел сборник «В рамочке из рифм». Член союза писателей России.

И вновь скажу...

И вновь скажу.....

Как хочется уехать далеко
От скучного, уставшего Сегодня –
Где низких туч свернулось молоко
И снег напоминает прошлогодний.

Поближе к солнцу, свету и теплу,
И к лету, непохожему на осень,
Там суета, забытая в углу,
Обиженно и зря вниманья просит.

Как прежде, на песчаном берегу
Смогу волнам твое напомнить имя,
Они его проглотят на бегу,
А я проситься буду вслед за ними.

Бежать, и падать, и опять бежать,
Себя равняя с брызгами прибоя,
Ты помнишь, звал меня «Морская гладь»?
Волна смеялась звуками гобоя.

И в море я смешаю, как в бреду,
Соленость слез с соленою волною.
Ты слышишь, все равно тебя найду.....
Потом скажу:

«Прости, что беспокою!»

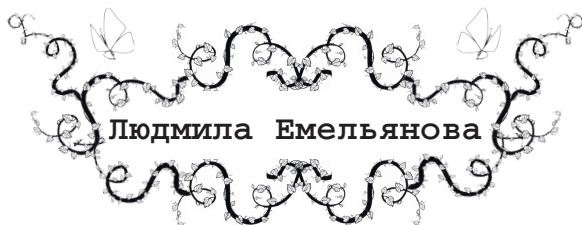

Не дожидаясь переправы

Я спрячусь в тень среди теней,
Не дожидаясь переправы.
И разгоню своих коней,
Неправым словом или правым.
Вмиг, превратившись в облака,
За горизонт они ускачут,
Один из них, наверняка,
Звезду мне сбросит..... на удачу.
Тот самый дерзкий вороной,
Что больше всех меня тревожил,
И презирал любой покой.
Не зная слова «невозможно».
Как много я ему должна!
Он просто слушать не захочет,
Что переправа не нужна
Из ночи в день и снова к ночи.
Что страшно выпасть из седла
Мне на дороге неизвестной,
Там, где добро слабее зла
И спорить с жизнью бесполезно.

Родилась и проживает в г.Йошкар-Ола Республики Марий Эл. Окончила историко-филологический факультет МГПИ, работала преподавателем русского языка и литературы, корреспондентом радио, социологом, пресс-секретарем. Член республиканского литературно-художественного объединения «Патриот». Автор двух поэтических сборников и публикаций в четырёх Альманахах поэзии. Творческий псевдоним — Людмила Володина. Печатается на сайтах «Stihi.ru», «Весна поэтов».

Такая

Идеальной стать очень сложно.
Не шлифуют меня невзгоды.
Если нрав поскрести, возможно,
Самородки найдёшь в породе.

Камнепадом рассыплюсь в гневе,
Все препятствия — не барьеры.
Чтоб отсеять зерно от плевел,
Потрудиться пришлось без меры.

В маскарадах, где все — личина,
Я участвовать не желаю.
Ну, какая, скажи, причина
С балансиром ходить по краю?

Подари мне ключи от счастья —
И улыбками встретим утро.
А когда вдруг придет ненастье —
Мы к нему отнесемся мудро.

Если примешь меня такую —
То задумчивой, то бедовой,
Настежь сердце свое открою,
Каждый день тебе буду новой.

Как рождаются стихи

Эти песни – от лунного света,
От озона прошедшей грозы,
Из ромашковой нежности лета,
Из печальной осенней слезы,

Из мечты в фиолетовой дымке,
Из серебряной россыпи звезд,
Из улыбки, застывшей на снимке,
Из шуршания листьев берез...

Настигает тебя, где бы ни был,
Мелодичный словесный поток,
Увлекая то в бездну, то к небу,
Вызывая полетный восторг.

В нём на строфы делю я закаты,
Брызги солнца ловлю на лету,
И душа, как река в перекатах,
На подъёме летит в высоту.

Все мое! Не отнять, не прибавить...
Под влиянием музыки чувств,
На Пегасе, поводьями правя,
За душевной гармонией мчусь...

Песни ветра

Гибкая и трепетная Ива,
Нежно-романтичная душа...
Ветер, очарованный, игриво
Гладит Ивы стан, листвою шурша.

Рад он неожиданной удаче,
Встретив ту, к кому в мечтах влекло.
Светлый Ангел, видно, не иначе,
В добрый час простер над ним крыло.

В кроне – заблудившиеся звезды,
Песни Ветра, лунные дожди...
Месяц-купидон, еще подросток,
Рожками взволнованно дрожит.

Страстные сонеты будят жажду.
Нежность Ивы вторит, как струна:
Сладкий хмель закончится однажды,
Но пока пьют досыта – до дна...

Мои самоцветы

Моя «зеленая страна»...
Владею сказочным богатством.
Смешна Кощеева казна
С его угрюмым темным царством.

К чему мне каменный чертог
С алмазным блеском, жемчугами?
Роскошной звездный синь-платок
И разноцветье под ногами.

Нежней муслиновых шелков,
Брабантских кружев и батиста
Муар волнистых облаков,
Брильянты рос слезинкой чистой.

Лесов зеленый изумруд
Раскрасит осень в самоцветы,
В зеркальный, с виду скромный, пруд
Венок из лилий бросит лето.

Пьянит душистая трава,
Тархун смешав с прохладой мяты,
И сразу кругом голова...
Куда Кощеевым палатам!

Судьбы пути-дороги

Дорог, что в жизни пройдено,
Немало. Сколько будет?
Купалась в лаве огненной –
Счастливых Бог не судит.

И шишек, что нападали,
Разжечь костер – мне хватит.
А денег много надо ли?
Другие пусть лопатят.

Любовью не обижена,
Друзей полно хороших,
Цена добру не снижена,
И планка цели – тоже.

С улыбкой – в утро хмурое
Шагну, расправив плечи,
Багаж заполню юмором –
Ведь с ним в дороге легче.

А их, ногами мерянных,
Немало... Сколько будет?
Иду вперёд уверенно –
Счастливых Бог не судит.

Родился 1955г. в г.Колпино. Стихи начал писать четыре года назад. Сейчас нахожусь на льготной пенсии, но работаю. У меня более 60 стихов и песен. Есть юмористические. Написал книгу «Война галактик» (боевая фантастика), опубликовал в интернете на сайтах «Самиздат» и «Проза.ру». Сейчас пишу продолжение.

Канары

Мы с Тamarой на Канары прилетели в три часа,
Здесь – лазурный берег моря, голубые небеса.
Здесь – раскидистые пальмы, желтый ласковый песок,
Здесь – кокосы и бананы, птичек райский голосок.

Здесь в лесу есть водопады небывалой красоты,
Птичьим пеньем наслаждаясь, на закат смотрела ты.
Солнце в море утопает и пускает пузырьки.
Орхидеи распускают, золотые лепестки.

День тихонько угасает, ночь берет свои права,
Бриз прохладой ласкает, чуть колышется трава.
Прелесть южного заката, щебетанье здешних птиц,
И слезинка счастья пала с черных бархатных ресниц.

Ночь тепла, все небо в звездах, месяц инеем покрыт,
Отражается в заливе, серп его слегка дрожит.
Мы стоим у водопада, брызг каскад на нас летит,
В каждой капельке – прохлада, в каждой – звездочка блестит.

А как утро наступает – море нас к себе манит,
Солнце в воду нас толкает, искупаться нам велит.
Волны нежно нас качают, словно мать свое дитя,
Здесь для нас – кусочек рая, для тебя и для меня

Вот дельфины проплывают, вдалеке гудит паром,
Буревестник пролетая, машет нам своим крылом.
Под цикады мы мечтаем вечерами здесь вдвоем,
Дней полет не замечаем, словно в сказке мы живем.

Отпуск кончен, неужели возвращаться нам пора?
Двадцать дней – как пролетели, а как будто бы вчера.
Солнце, море, крики чаек, в небе редки облака,
Отплывая, белый лайнер дал прощальных три гудка.

Лидия Журавлёва

Псевдоним «Журавушка» – родилась в г. Омске в 1949 году. Окончила Омский государственный медицинский институт и с 1972 года работает в городе Нижневартовске. Стихи пишет с 2006 года, публикует их в Интернете на страницах поэтических сайтов. Ее стихи публиковались в городских газетах «Местное время» и «Варта», в русскоязычной газете «Русский базар» в Нью-Йорке, в поэтических альманахах «Новая волна», «Поют любовь вам ангелы-поэты», «Парадоксы творчества», «Озарение». Выпустила два сборника стихов – «Лирика» и «Журавушкины песни» (г.Санкт-Петербург).

И когда добреду до порога

...И когда добреду до порога
За которым – чернильная тьма,
Я застыну, помедлив немного
Перед тем, как растаю сама...

Удивляясь, подобно ребенку,
Я поверить никак не смогу
В то, что финишной ниточкой тонкой
Остановят меня на бегу...

Но ведь я ничего не успела...
Не смогла... не сумела понять...
Не спеши, мое брненное тело,
Ведь душа не устала летать!..

И тогда на пороге прозренья,
В полушаге от истин земных
Не прощенья просить, а спасенья
Буду, каясь в ошибках своих...

Пускай, пока я сплю, я буду – дождь

Ну почему так хочется дождя?
Моя зима не скоро хлопнет дверью
И памятник последнему неверью
Оставит летним снегом, уходя.

А дождь уже мне снится по ночам,
Бормочет что-то тихое на ушко,
И я пугаю всхлипами подушку,
И прыгают дождинки по плечам.

Я словно ощущаю под собой –
Дыханье пара над землёй струится,
Мне словно не идётся, а летится
Средь капель, обступающих гурьбой.

И вот сама я превращаюсь в дождь,
Впивающийся в землю с дикой жаждой.
А пробудив земную плоть однажды,
Прекраснее судьбы не обретешь.

Так вот, пока я сплю, я буду – дождь...

Как поезд, проносятся годы...

Как поезд, проносятся годы,
На стыках стуча январями.
Иллюзия вечной свободы –
Вагон, что мелькает огнями.

Лишь вздрогнет перрон под тобою
Растерянно... жалко... тревожно...
Поймешь, что вернуться в былое
И встретиться с ним – невозможно.

Монолог несостоявшейся бабочки

Жить в коконе и тихо и тепло...
Уютно думать, что за толстой стенкой
Нет ничего, и не считаясь пленной,
Отринуть мир, всем шепчущим назло.

Пусть мне твердят, что путы разорвав,
Я превращусь в прекрасное создание,
Чьи крылья опьяняющим дыханьем
Наполнит аромат цветущих трав...

Мне не по силам побороть свой страх
И выбраться из скорлупы сомнений.
Смогу летать? Из сказочных мгновений
Иную суть волнительно создав?

Я остаюсь распятой средь теней,
Тревожащих, как странные фантомы
В развалинах стареющего дома...
...И отрекаюсь от судьбы своей.

И только иногда в потоке снов
Меня находит, ветерком лаская,
Несбывшееся чудо – я взлетаю,
Свободная от давящих оков...

Скрипучая дверь в детство

Запахи, шорохи...
Целые ворохи
Детских надежд и обид, и отчаяний –
Словно забытые,
Молью побитые
Старые вещи – с ушедшим венчание.
Дни несуразные
Скрипнут, не смазаны,
Петлями, дверь в моё детство держащими.
Стала я взрослой, но
Отсветы прошлого
Тлеют во тьме моего Настоящего...

Так не бывает

Так не бывает – чтоб душа с душою
Слились, не оставляя и зазора,
Но это есть – что с этим делать, милый?

А жить и знать, что нам не быть с тобою,
Дрожать, меняя тему разговора –
Смогу ль? Смогу. Я знаю. Я решила.

Сплетутся обездоленные годы
Узлом сомнений, но твоя улыбка,
Что на ладонь вспорхнёт приветом дальним

Как светлый луч, пронзая непогоду,
Шепнет, что это не было ошибкой,
И поцелует, и вздохнёт печально.

Яунс Земенс – псевдоним Власовой Лолы Константиновны.

*По тайным закоулкам памяти пройдя,
Листая дней былых нетленные страницы,
С печалью в сердце провожаю мысли-птицы,
Пляшущие во сне, за гранью бытия.
И в многоликом дне душой не дорожа,
Отведав яд фальшивых слов, сомкну ресницы
В час исступленных строк, в сиянии зарницы
Воскресну из стихов – приду из забытья.*

И угли превращаются в анфраксы* ...

Горячий воск свечи стекал на пальцы
И застывал в таинственных узорах ...
Мы в грешном мире вечные скитальцы,
В ночах и днях рожденные в аврорах,
Зачатые в начале мироздания...
Вмиг выпорхнув из тленной оболочки,
Испив кагор хмельного сострадания,
В письме судьбы дописываем строчки,
Невидимые буквы, запятые ...
Чернилами души поставив кляксы,
Покаявшись, становимся святыми.
И угли превращаются в анфраксы ...

.....
**Анфракс — иначе карбункул, редкий и драгоценный камень, имеет темно-красный цвет. При солнечном свете он теряет свой темный оттенок и походит на горящий уголь, отчего и получил свое название. Он занимает первое место во втором ряду наперсника судного первосвященника.*

Виолончели ад — оборванные струны...

Виолончели ад — оборванные струны...
Все не разгаданы мистические руны,
Их суть не познана и смысл мне не известен ...

Не соглашаясь в том, что истина в вине —
Я опрокинула бокал из терпких слёз ...
Он вдребезги разбился по моей вине,
Осколками усыпан путь в долину грез ...

И вот... по пояс в небе и решаюсь плыть —
Спасенье от осколков, чтоб не ранить плоть.
Тону в волнах ветров, а так хотелось жить,
Но от уныния спаси меня, Господь...

В пучине неба-моря — бездна, Млечный Путь.
И вот, передо мной — небесный Ханаан,
Но проплываю мимо, не познавши суть
Того, что дар спасенья только Богом дан ...

На берегу Луны лежу, раскинув руки ...
Мой ад — любимой быть тобою — жить в разлуке,
Рай — быть наяву с тобой, во сне — лететь к тебе ...

Предай забвению бывшее ...

Предай забвению бывшее ...
Но в переменчивости дней
Храни от кончиков ногтей
До сердца самое святое.

Оберегай его от злобы,
Тая на донышке души.
Клейма поставить не спеши
Из сургуча печати, пломбы.

Надломленную ветром ветку
Не исцелить добром речей...
Боль не сокрыть нам от очей,
Упрятав в золотую клетку.

Чрез прутья сделанные ладно,
Ты все равно увидишь боль.
Тогда ее себе позволь
Спалить дотла всю беспощадно ...

Воспоминаний незабвенных
Клин журавлиный охраняй.
Его полет оберегай
От ружей-слов высокомерных ...

И мыслей беглых вереницы
Пусти в сердечный монастырь,
От суеты сует остынь
И подари стихам ... страницы...

В финале жизни...вихрь октав...

Соната си-бемоль минор
В финале жизни ... вихрь октав...
Ноктюрн в контрастности шальной.
Шопен, о друг мой, как ты прав!
Монбланом музыкальных Альп
Пронизана душа насквозь,
Как Ангела лиричный альт
Звучит в «Юноне и Авось»...
Проникновенный полонез –
Моей души беззвучье муз,
Всей нежной мякоти дюшес,
Растаявший в слиянье уст...
Почти уснувший клавесин –
Невольный узник сладких грёз –
Мечтой был в небо уносим
Под стоны сломанных берёз.
И у раскрытого окна
Мне ветер косы растрепал.
Влетела в комнату весна...
Лишь клавесин ее проспал ...

Луи Маршан душой коснулся клавесина:
Опять мелодию красиво грезил написать,
Но быстротечны дни, года, века ...Ему лишь спать,
Мелодией воскреснув в образе незримом...

Ночная жатва...

Слетела грез воздушная вуаль...
Её дрожащий ветер медленно уносит,
Бродяга-день за ней стремится вдаль,
За облака, туда, где месяц звезды косит ...
Стога созвездий и комет снопы,
Ночная жатва удалась жнецу на славу!
Но утром солнца скупы похвалы,
Вулкан лучей сны плавит в золотую лаву ...
Они застынут звездами опять
На небосводе-поле в полночь сенокоса,
И солнце попытается распятъ
Жнеца всех грез, что смотрит на светило косо ...
Но ночь спасёт его в который раз,
И всё вернется на свои круги, как прежде,
Всё повторится снова в небе фраз:
Зажгутся звезды грёз, как солнца луч с надеждой ...

Озябшим мотыльком...

Озябшим мотыльком я выпорхну из снов,
Вмиг превращая крылья в мягкие ресницы,
Всех сновидений явь нисходит на страницы:
Стихами, сказками из фееричных слов...

В ней вдохновенно-вешней лирикой огня
Пылает память быстрокрылая, лихая:
Дотла сгорая, воскресает в неге рая,
К которому стремлюсь, гоня мечту-коня...

Там льются мыслями на чистый лист не раз
Святые слезы-оды, что поили душу,
Над озером обид стихи-мосты разрушу,
Пойду ко дну от тяжести фальшивых фраз ...

Лишь в пении сирен, что в бездну катастроф
Влечет суда поэм, на миг найду отраду,
Но осознав обман от вдохновенья яда,
С Евтерпы флейтой плачу чрез плеяды строф.

...

Ранимым мотыльком, продрогшим в бездне строк,
Влечу в волшебность снов, на миг сомкну ресницы,
И крыльями души перелистав страницы,
С любовью напишу, как важен сон-урок ...

.....
**Евтерпа — (Euterpe, "увеселяющая"), муза лирич. поэзии и музыки. Изображ. с двойной флейтой.*

Поставить многоточья бессоюзий...

Глаза в глаза, и ни руки, ни слова ...
Роняет день прощальный луч заката,
И кажется, что за грехи расплата –
Губами прошептать: «Прощай!» и снова
Обнять руками облака сомнений...
Рассвета ждать на разных континентах
И ощущать наивность комплиментов.
Юнону* избегать без объяснений ...
Надеждой жить, желать всего лишь ... счастья
Апрелевой весной души коснувшись,
Пожарами зари от сна очнувшись,
Абстрактно избежать в судьбе участия...
Мечтать с тобой в наивности иллюзий
Янтарным маем сладостно-медовым
Твой сон раскрасив в яркий цвет лиловый -
Б — ...Поставить многоточья бессоюзий ...

P.S ...пришел,... увидел,... победил...
... ! ... ! ... ? ...

.....
**Юнона — в древнеримской мифологии - царица богов, супруга Юпитера, покровительница брака и рождения. Юнона отождествлялась с древнегреческой богиней Герой. Юнона изображалась величавой женщиной в короне.*

Разрушены дольмены*: глыбы камня ...

Разрушены дольмены: глыбы камня,
Упала наземь древняя плита ...
Ты бабочкой порхаешь чрез века.
Навек пустою стала усыпальня...
Кто знаков редких, тайных был ваятель?
Что означает каменный менгир**?
И, бабочка, ответь: «Кто твой Создатель?
Кем создан твой потусторонний мир?...»

И в мистике крылатого сознания
Я рядом с дивной бабочкой лечу
Из эры в эру вечного изгнания –
В надежде, что унынье излечу ...

**Дольмены – ("каменные столы" у кельтов), надгробные памятники каменного века, обыкн. в виде 3-4 поставленных стоямя каменных глыб, на которых покоится большая каменная плита; Д. встречаются на побережье Балтийск. и Немецкого моря (Швеция, Дания, Ирландия, Бретань), Атлантического океана (Франция, Пиренейский полуостров), также в Алжире, Тунисе и Сирии. На Кавказе по черноморскому побережью.*

***Менгир – кельт., Menhir; один из видов доисторических (мегалитических) памятников, встречаются в Бретани, Англии и Скандинавии; это – неотесанный каменный столб, на котором иногда высечены таинственные знаки. Служил местом культа.*

Ты...Я...Фата-моргана*

Воздушный замок, призрак мой желанный,
Таинственной души бесценный, щедрый дар,
Сиюминутное забвенье иль пожар,
Сжигающий дотла мой мир безгранный ...
Ты – мой Эдем в минутах наслажденья:
В часах, годах, столетьях, в вечности немой ...
Чуть виден образ твой, но этой полутьмой
Я дорожу, как каждым днем рожденья!
Ты – негатив, я – фотоотпечаток,
Из черно-белого – души цветной винтаж,
Фата-моргана – самый лучший твой мираж,
Любви нетленной девственный зачаток.
Слились в экстазе, упоенном души,
Но тает этот миг, как бранные тела ...
Вновь превращается в златой янтарь смола,
И слезы черные текут от туши ...
Ты их утрешь своим платком белесым,
Украдкой уберешь его в карман надежд,
Не слушай про любовь дурной молвы невежд
О ней поющих нам павлином безголосым...

**Фата-моргана — сложная и редко встречающаяся форма миража, при которой на горизонте появляются сложные и быстро меняющиеся изображения предметов, находящихся за горизонтом.
итал.Fata morgana — фея Моргана.*

Я видел очень необычный сон...

Я видел очень необычный сон,
Которым часто грежу наяву,
Что умер, но в твоих мечтах живу ...
Текли озера слез за облака,
Там становясь кристально белоснежным снегом ,
И Стикс* замерз, покрывшись слоем льда,
Мне девять лет дремать, роняя слезы с неба...
И даже Флегетон* заледенел ...
Легко идти, но жалко, что замерзла Лета,
И не испить воды, что ж, мой удел –
Былое помня, у судьбы искать ответа ...
Снежинки опускались на меня,
В ладонях нежных тая, капали на землю,
Вмиг превращаясь в слякоть бытия...
Лишь по слезам иду, их пью – судьбе не внемлю ...
В поту проснулся. Я не окрылен,
Обычный человек... опять живу,
С постели встал на лёд...едва дышу ...

** Чтобы попасть в Аид, царство мертвых, душам умерших необходимо было преодолеть подземные реки. Кокит, Стикс, Ахеронт, Пирифлегетон. Огненная река Пирифлегетон (Флегетон) окружает Аид. Через Ахеронт Харон перевозит души умерших. Кокит (Коцит, "река плача") отличается ледяным холодом. Лета, персонификация забвения, — река в царстве мертвых, испив воду которой, души умерших забывают свою прошлую жизнь. Клятва водой Стикса — самая страшная: нарушивший ее бог подвергается девятилетнему изгнанию. Во время раздоров боги по приказу Зевса произносят клятвы над водой Стикса, которую приносит Ирида.*

Глинтвейн

Глинтвейн в моей крови пылающим вином
Готовлю в холода нежданной разлуки:
Корица – боль, гвоздика – скука, а потом,
Чтоб он не закипел – добавлю сердца муки,
Терзания души (пусть охлаждают кровь),
Муската тертого из пряности забвенья,
Чуть чёрного горошка перца – зла, и вновь
Все размешаю и добавлю... вдохновенья ...
Готов напиток, согревающий тебя!
И на закуску, растопив камин прощенья,
Я, не оглядываясь в прошлое, любя,
Уставших наших душ, моля, вновь жду скрещенья ...

Гостья

Не сосчитать на земле всех листьев опавших, поблёклых.
Осени лик приходящий пальцем рисую на стёклах.
Рыжие локоны треплет ветер немного надменный,
Пахнет весною, (так странно...?), в день безмятежно осенний.
Мне ли тебя убаюкать, иль разбудить в поднебесной,
Этим чарующим утром в сказке осенней, чудесной?
Солнечный зайчик поймаю, ...видишь, сидит на ладошке?
Радуга в небе сияет ...Ангел идет по дорожке ...
К рыжей вещунье крылатой, чтоб не седела понуро –
Розовым светом сияя, гостья-весна заглянула ...

Джаз!!!

Осенний джаз хмельного листопада...
Кружилась голова под старый саксофон
И эйсид-джаз*, в мейнстриме* утопая,
На разных полюсах сошелся в унисон.
Трубач играл ...Фортепиано млело
Под изумительный чарующий вокал,
А осень подносила очень смело
Из ностальгии детства ветреный бокал
«Saint Louis Blues» на радио-комоды,
Джаз на пластинках мягких с надписью «Victor»,
И юности моей шальные годы:
Бескрайний дивный восхитительный простор!

.....
**Мейнстрим (англ. mainstream — основное течение) — преобладающее направление в какой-либо области (научной, культурной, др.) для определённого периода времени.*

**Эйсид-джаз (англ. acid jazz) — это музыкальный жанр, в котором соединены элементы джаза и фанка 70-х и танцевальной музыки 90-х или хип-хопа.*

Плыла мечта – прозрачный дирижабль

Плыла мечта – прозрачный дирижабль,
В ее гондоле – странный экипаж:
Царица-солнце, месяц-коннетабль,
Плеяды звезд и ветер-эпатаж,
Который вел себя прерывисто-нахально
Хвосты кометам распушив без позволения...
Уснул, затем по волчье выл, скулил печально ...

И конница комет неслась к луне.
Лишь только месяц знал: она – мираж.
И император-небо в той стране
Безмолвно правил, пил тоску из чаш
Затмения (кагор Божественного дара...),
Из мисы тьмы – игристое вино печали,
Из братины рассвета – мед...

А годы мчали ...
Они неслись стремительно и зло,
Не оборачиваясь, все круша.
Но время им погибель предрекло –
Ждала судьба крутого виража ...

Проснулось солнце...

Проснулось солнце и взидало вдаль
Из дымки грез плывущих облаков...
И позабыв вечернюю печаль,
Искрилось от щедрот своих даров :
Сменяло день на вечер, а потом,
Качаясь в колыбели ветряной
Дремало самым чутким, детским сном
Всю власть, вверяя ночи золотой...
Ночные сказки в сонме мотыльков
Парили в небе в отблесках луны
Их мириады ярких огоньков
Дарили свет с безбрежной вышины...

И звёзд холодный блеск пленял меня,
Где тайны тень из кружев облаков
Манила ввысь, величие храня,
Рисуя образы... иных миров...

Сломаны ветки весенние вербы

Сломаны ветки весенние вербы
Ваза – их дом, где свой век доживая,
Не поминая обиды-ущербы ,
Вянут, лишь сердце тоской заполняя ...
Рвали на радость их в день воскресенья,
А в понедельник об этом забыли,
И о прощенье, что в день Вознесенья,
И о молитвах, что к ангелам взмыли ...
Крылья молитв – очи видят святые,
Просьб кружевных живописные нити:
Светлые – добрые, темные – злые,
Словно картины, рисуйте, творите!

Утро нового дня,
И бьется жизнь в груди.
Еще одно: Нельзя.
Еще одно: Иди.

В архивах памяти минуты заблудились...

В архивах памяти минуты заблудились...
А ты без приглашения опять...
Уже пора учиться отвыкать
Считать звонки твои, шагами мерить мили.
Пора сыграть в последнем акте сцену.
Прижечь нарывы прошлого? Не суть.
Тестируют на градуснике ртуть
Прыжки волнения, неся восторг по венам.
Умение прощать – не признак героизма,
Я рада снова видеть, милый друг,
Глаза твои, глядящие на юг,
Прожженные огнем фривольного цинизма...

В алмазах таяли созвездья...

В алмазах таяли созвездья...
В последнем выдохе апреля
Впиталось в губы слово «вместе»
Со вкусом импортного эля.

Бумажным лебедем в кармане
Свернулось едкое двуличье.
Бежит душа пугливой ланью –
В твоих лесах так много дичи!

Ручьями – годы, в паспорт – штампы,
Кусками сахар в горький кофе.
Ты снишься мне... Но в свете лампы
Совсем чужой рисую профиль...

Грустный возраст

Ты знаешь, как сходят с ума постепенно
Во мне заключенные временем годы,
Как жёлтой змеей выползает на сцену
Живая душа моего антипода?

Как город встречает букетом оваций
И новый характер бросает под ноги?
На красном платке эгоизма-паяца
Поник тусклый образ твоей недотроги.

Девчонкой вчерашней примерит улыбку
Наивность с глазами морщинистой фальши.
У возраста нет плохо скрытых ошибок,
Еще одним годом прописано «Старше».

По наклонной от страха до страсти

По наклонной от страха до страсти
Соком лайма пропитаны ночи.
Гамма чувств, проводящая кастинг
Голых рифм на подмостках обочин,

Растянулась в блаженном томленьи,
Уходящие дни обезличив,
Отрезая пути к отступленью
Долгим эхом ночных электричек.

По наклонной от счастья к свободе,
Перебежками дрожи по телу,
Будто солнце под сердцем восходит,
Распускается влажная смелость.

Прячет звезды соленое утро,
Обнажая в окне отражение.
От любви до любви нет маршрута,
Кроме сладких минут искушенья.

Так упадет слеза в ладони

Так упадет слеза в ладони,
Станцует прошлое канкан.
И понесут седые кони
Повозку памяти в туман.

По безмятежности скучая,
Проходим мы свой трудный путь.
Я за любовь себя прощаю,
Простишь ли ты когда-нибудь?

Я знаю, память не попросит
Захлопнуть за собою дверь.
Твоя душа меня не бросит
Перед отчаяньем потерь...

Родился в 1954 г. в Ленинграде/Санкт-Петербурге. Стихи пишет с 16 лет. Первая публикация стихов — в 1976 г. в альманахе «Молодой Ленинград». Первая книга стихотворений — «Неизвестная страна», 1998 г. Вышло 4 книги стихотворений, 2 поэм и книга философских эссе «Мысли о вечном. Свой путь России».

Состоит в Российском Межрегиональном Союзе писателей (РМСП). Лауреат премии «Созидатель» по итогам 2003 г. Награжден Пушкинской медалью «За сохранение традиций в русской литературе», Золотой медалью «Г.Р. Державин» и орденом «Гордость державы Российской». Золотой медалью «Сергея Есенина». Действительный член, профессор Академии «Русской словесности и изящных искусств (АРСИИ)» имени Г.Р. Державина.

Возвращение блудного сына

Над белой водой поднимается ветер,
Сначала — чуть слышно, потом — все заметней!

На тёмном стекле открываются знаки,
Как будто сигналы далеких галактик.

На кронах деревьев рисуются буквы,
Как будто бы к ним подключился компьютер;

Как будто из самых основ мирозданья
Пытается что-то пробиться в сознание.

Я знаки встречаю повсюду, повсюду!
Весь мир необъятный — огромное Чудо.

Волнение странное чувствую в венах:
Повсюду — во мне, вне меня — перемены!..

Меняют слегка ощущения ракурсы...
А может, иной получаю я статус.

Росту я из тела, как отрок из платья;
Вселенная мне раскрывает объятия!..

И вдруг в голове разрывается бездна,
Как будто бы вечность пространства разверзла,

И то, что казалось мне Тайной и Чудом, —
Во мне, и со мной... Я — повсюду! Повсюду!..

Высокое солнце

Высокое солнце. Плещется вода...
Так хорошо, как будто снова дома.
Прекрасный мир! Неужто никогда
Мы не были как следует знакомы?

Синеет лес за голубой рекой.
Поля желтеют, в небе птицы кружат...
Час отдыха средь красоты такой,
И больше ничего уже не нужно.

Нетороплива мощная река.
Без края даль... О, чудо мироздания!
В последний раз.. увы, издалека
Пришла ко мне Природа на свиданье.

Провозглашу Всевышнему хвалу
За этот час покоя и отрады
И, даже если я теперь умру...
Так умирать, наверное, и надо.

Синеет лес за голубой рекой.
Как высоко кружатся в небе птицы!..
Смотреть на них и ощущать покой,
И позабыть – все видится, иль снится...

Демон

Такая получилась жизнь,
Что было суждено спускаться
Мне глубже всех живущих вниз...
И выше каждого подняться!

Мне было многое дано,
Я остальное брал без спроса.
Увы, так было суждено –
Ответы дать на все вопросы.

Постиг я и добро и зло,
Всему свою увидел цену,
И тайное ко мне пришло,
Одежды сбросив откровенно.

Но вот проклятие мое,
Одно вовек мне не удастся:
Однажды с кем-нибудь вдвоем
Спуститься в бездну и... подняться!

Ноты сердца

О, сердца музыка, живи!
Её мы слышим только сами –
Мелодию моей любви
К тебе не выразить словами.

Стихами? Может быть... Они,
Как ноты сердца, что навечно –
О Чудо? – смогут сохранить
Волнений облик быстротечных,

Любовь к тебе... Запечатлю
Я на бумаге сердца пламя.
Люблю тебя... Люблю! Люблю!
И говорю о том – стихами.

Они коснутся, может быть,
Других сердец... Живые струны
Сумеют снова воскресить
Мелодии отрывок чудной.

Играла музыка в крови,
Мы слышали ее лишь сами...
Но та мелодия любви
Записана навек – стихами!

Осень любви

Она говорила: «На улице – осень.
Ненастье и холод прокрались и в сердце.
И лето прошло. Или не было вовсе...
И, верно, уже никогда не согреться!..»

Она говорила: «На улице – слякоть.
И больше играть нет желания в прятки.
И сил не осталось смеяться и плакать,
Терять, ревновать и любить без оглядки...»

Она говорила, дыхания тише,
Что: «Мы не одни. Это вовсе не странно...»
Она говорила: «Ведь память нас слышит,
Запомнит и краску, и привкус обмана».

Она повторяла мне: «Нет...» и «Не любит...»,
«Устала, раскисла...», «Плохая погода...»,
«А, может быть, завтра хоть солнышко будет...
А если не завтра, так – через полгода!..»

Она говорила: «На улице – осень...
Не надо спешить и придумывать счастье...»
Она говорила... А дождика косы
Совсем растрепались... Ведь было – ненастье!

Холмы подсознания

Я сплю, вижу сон... Подо мною – гора!
На белой горе – я в лучах серебра.

Я в черной фуфайке и черных трусах,
И звезды сверкают в моих волосах!

Чернею, от жизни большой в стороне...
Вдруг мимо меня – я на белом коне.

Я – белый, на мраморно белом коне...
О, сколько во мне неизвестного мне!

И мраморный конь увлекает меня...
«Держите! Хватайте! Верните коня!» –

Кричу я вдогонку, один на горе...
Внизу моих «я» коллективных каре.

Сейчас я отправлю их оптом на бой
С судьбой. Кто из них воротится домой?

Беру я трубу, выпираю губу
И громко играю: «Все марш на борьбу!»

И вижу, под звездами – всюду холмы,
Толпою на бой разбегаемся «мы»...

Коня мне! Мой конь ожидает меня.
Сажусь на коня... Не ищите меня!

Куда унесет меня мраморный конь?
Спешите гадать, как заплывет огонь!

Скачу я... Но вижу, в жемчужной пыли
На белой горе – я чернею вдали.

Один я... Один!.. Там, на голой горе.
И «я» поредевших сереет каре.

Назад!.. Просыпаюсь в холодном поту.
По эту я сторону или по ту?

Но снова засну... и сажусь на коня!
И мраморный конь увлекает меня

По белым холмам...

Шагреновой кожи осталось немного

Шагреновой кожи осталось немного,
Старуха с косой сторожит.
У вечного я задержался порога,
И сердце уже не дрожит.

Все было, жалеть – ни о чем нет причины.
Замкнулось кольцо бытия.
В серьезные игры играли мужчины,
И Бог нам один судия!

Пусть песни споют мне красивые люди,
Берёзки станцуют во ржи...
Старуха! Сегодня мы праздновать будем,
Что жизнь приключилась без лжи.

